

В ЧУЖОЙ СТРАНЕ

Уехавшим родственникам посвящается

От собеседника

Наум Коржавин (Мандель) – поэт, широко известный своим смелым стихотворением 1969 г. «Памяти Герцена или Баллада об историческом недосыпе».

Судьба его распорядилась так, что он был вынужден уехать, как и многие, рискнувшие петь не в общем хоре подпевал нашему режиму. Неиссякаемая тоска по Родине не покидает его и по сей день, поэтому при первой же возможности навестить Россию он это делает и мы его видим здесь, он с нами. Н.К. работает не спеша, весомо, пропуская через себя всю боль интеллигентного человека, осознающего, что происходит со страной и народом.

Познакомились мы с ним на дне рождения поэта В. Берестова и он благосклонно отнесся к моему творчеству, прослушав с гостями песни из разных Нотных портретов. Мне тогда и в голову не приходило, что дойдёт очередь и до его стихов. Но с этой работой была определённая сложность, хотя они и были выбраны давно – мне необходимо было слетать в Америку, чтобы прочувствовать «чужую страну» (когда-то я мечтал побывать там), понять эти стихи «оттуда». Наконец, небольшие гастроли позволили мне это сделать, и в перерывах между концертами были написаны песни из этого Нотного портрета.

«В чужой стране» оказывается любой человек, чьи потребности не ограничиваются возможностью решить мещанские вопросы (поесть, попить, повеселиться и т.д.). Довольно быстро становится понятно ему, что он является не только носителем другого языка, очень другой культуры, других принципов жизни и привычек, но в конце концов – он сам «чужой» в этой стране. И самое главное, что и там, казалось бы на свободе, пресловутый «двойной стандарт» во всём и он от него никуда не убежал и не спрятался. Лишний раз об этом подумайте перед уездом навсегда, мой Слушатель.

Ваш Станислав Коренблит

Сторона 1 – 27.06

Сторона 2 – 27.31

1. Двадцатые годы – 2.00	1(16). Тяжесть движенья – 0.49
2. В Сибири – 1.24	2(17). Дорога – 2.06
3. Утро в лесу – 1.14	3(18). Письмо в Москву – 4.08
4. Подходи – 0.55	4(19). Никакой истерики – 0.46
5. Ты идешь – 2.27	5(20). С Новым Годом – 3.19
6. Не любовь – 1.57	6(21). Брайтонские брюзжания – 1.17
7. Сжатый воздух – 0.51	7(22). News* – 1.35
8. Без тебя – 0.59	8(23). Флоридское – 2.04
9. Как свобода – 1.08	9(24). В чужой стране – 2.57
10. Снег – 2.19	10(25). Закат – 3.31
11. Кризис идей – 2.26	11(26). Довольно! – 2.13
12. Страх – 1.42	12(27). Вагон – 1.46
13. Небытие – 1.20	
14. Всё чушь – 3.26	
15. За сорок – 2.58	

* Новости (англ.)

Общее время звучания – 54.37

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Крепли музы, прозревая,
Что особой нет беды,
Если рядом убивают
Ради Веры и Мечты.

Взлет в надеждах и в законах:
"Совесть – мать всех оков..."
И романтик в эшелонах
Вез на север мужиков.

Вез, подтянутый и строгий,
Презирая гнет Земли...
А чуть позже той дорогой
Самого его везли.

Но, запутавшись в причинах,
Вдохновляясь и юля,
Провожать в тайгу невинных
Притерпелась вся земля.

Чье-то горе, чья-то вера, -
Смена лиц, как смутный сон:
Те – дворяне, те – эсеры.
Те – попы... А это – он.

И знакомые пейзажи,
Уплывая в смутный дым,
Вслед ему глядели так же,
Как недавно вслед другим.

Равнодушно... То ль с испуга,
То ль, как прежде, веря в свет...
До сих пор мы так друг друга
Всё везем. И смотрим вслед.

Может, правда, с ношей крестной,
Веря в святость наших сил,
Эту землю Царь Небесный,
Исходив, благословил.

Но тогда, ревнуя к Славе,
За усмешкой скрыв оскал,
Тем путем на тройке дьявол
По следам Его скакал.

В СИБИРИ

Дома и деревья слезятся,
И речка в тумане черна,
И просто нельзя догадаться,
Что это апрель и весна.

А вдоль берегов огороды,
Дождями набухшая грязь...
По правде, такая погода
Мне по сердцу нынче как раз.
Я думал, что век мой уж прожит,
Что беды лишили огня...
И рад я, что ветер тревожит,
Что тучами давит меня.
Шаги хоть по грязи, но быстры.
Приятно идти и дышать...
Иду. На свободу. На выстрел.
На все, что дерзнет помешать.

УТРО В ЛЕСУ

Девушка расчесывала косы,
Стоя у брезентовой палатки...
Волосы, рассыпанные плавно,
Смуглость плеч туманом покрывали,
А ступни ее земли касались,
И лежала пыль на нежных пальцах.
Лес молчал... И зыбкий отсвет листьев
Зеленел на красном сарафане.
Плечи жгли. И волосы томили.
А ее дыханье было ровным...
Так с тех пор я представляю счастье:
Девушка, деревья и палатка.

ПОДХОДИ

Если можешь неумно
На разболтанных путях
Жить все время на огромных,
Сумасшедших скоростях,
Чтоб ветра шальной России
Били, яростно трубя,
Чтобы все вокруг косились
На меня и на тебя,
Чтобы дни темнее ночи
И крушенья впереди...
Если можешь, если хочешь,
Не боишься – подходи!

ТЫ ИДЕШЬ

Взгляд счастливый и смущенный.
В нем испуг, и радость в нем:
Ты – мой ангел с обожженным
От неловкости крылом.

Тихий ангел... Людный город
Смотрит нагло вслед тебе.
Вслед неловкости, с которой

Ты скользишь в густой толпе.

Он в асфальт тебя вминает, -
Нет в нем жалости ничуть,
Он как будто понимает
Впрямь, - куда ты держишь путь.

Он лишь тем и озабочен –
Убедишься в том вполне.
Ты идешь и очень хочешь,
Чтоб казалось – не ко мне.

А навстречу – взгляды, взгляды.
Каждый взгляд – скажи, скажи.
Трудно, ангел... Лгать нам надо
Для спасения души.

Чтоб хоть час побыть нам вместе
(Равен жизни каждый час),
Ладно ангел... Нет бесчестья
В этой лжи. Пусть судят нас.

Ты идешь – вся жизнь на грани,
Все закрыто: радость, боль.
Но опять придешь и станешь
Здесь, при мне, сама собой.

Расцветешь, как эта осень,
Золотая благодать.
И покажется, что вовсе
Нам с тобой не надо лгать.

Что скрывать, от всех спасаясь?
Радость? Счастье? Боль в груди?
Тихий ангел, храбрый заяц.
Жду тебя. Иди. Иди.

НЕ ЛЮБОВЬ

Это чувство как проказа,
Не любовь. Любви тут мало.
Все в ней было: сердце, разум...
Все в ней было, все пропало.

Свет затмился. Правит ею
Человек иной породы.
Ей теперь всего нужнее
Все забыть – ему в угоду.

Стать бедней, бледней, бесстрастней...
Впрочем – "счастье многолико"...
Что ж не светит взор, а гаснет?
Не парит душа, а никнет?

Ты в момент ее запомнишь
Правдой боли, силой страсти.
Ты в глазах прочтешь: "На помощь!"
Жажду взлета. Тягу к счастью.

И рванешься к ней... И сразу
В ней воскреснет все, что было.
Не надолго. Здесь – проказа:
Руки виснут: "Полюбила".

Не взлететь ей. Чуждый кто-то
Стал навек ее душою.
Все, что в ней зовет к полету,
Ей самой давно чужое.

И поплачешься сурово
Ты потом, коль почему-то
В ней воскреснет это снова,
Станет близким на минуту.

.....
Этот бред любовью назван.
Что ж вы, люди! Кто так судит?
Как о счастье – о проказе,
О болезни – как о чуде?

Не любовь – любви тут мало.
Тут слепая, злая сила. –
Кровь прожгла и жизнью стала,
Страсть от счастья – отделила.

СЖАТЫЙ ВОЗДУХ

Знаешь, тут не звезды
И не просто чувство.
Только сжатый воздух
Двигает в искусстве.

Сжатый до обиды,
Вперекор желанью...
Ты же вся – как выдох
Или восклицанье.

И в мечтах абстрактных
Страстно, вдохновенно
Мнишь себя – в антракте
После сильной сцены.

БЕЗ ТЕБЯ

Мне без тебя так трудно жить,
А ты – ты дразнишь и тревожишь.
Ты мне не можешь заменить
Весь мир... А кажется, что можешь.

Есть в мире у меня свое:
Дела, успехи и напасти.
Мне лишь тебя недостает
Для полного людского счастья.
Мне без тебя так трудно жить:
Все – неуютно, все – тревожит...
Ты мир не можешь заменить.
Но ведь и он тебя – не может.

КАК СВОБОДА

Мы мирились порой и с большими обидами,
И прощали друг другу, взаимно забыв.
Отчужденье приходит всегда неожиданно,
И тогда пустяки вырастают в разрыв.
Как обычно поссорились мы этим вечером.
Я ушел... Но внезапно среди затхлости лестниц
Догадался, что, собственно, делать нам нечего
И что сделано все, что положено вместе.
Лишь с привычкой к теплу расставаться не хочется...
Пусть. Но время пройдет, и ты станешь решительней.
И тогда – как свободу приняв одиночество,
Я почувствую город, где тысячи жителей.

СНЕГ

А это было в настоящем,
Хоть начиналось все в конце...
Был снег, затмивший все. Кружащий.
Снег на ресницах. На лице.
Он нас скрывал от всех прохожих,
И нам уютно было в нем...
Но все равно – еще дороже
Нам даль была в уюте том.
Сам снег был далью... Плотью чувства,
Что нас несло с тобой тогда.
И было ясно. Было грустно,
Что так не может быть всегда,
Что наше бегство – ненадолго,
Что ждут за далью снеговой
Твои привычки, чувство долга,
Я сам меж небом и землей...
Теперь ты за туманом дней,
И вспомнить можно лишь с усилием
Все, что так важно помнить мне,
Что ощутимой было былью.
И быль как будто не была.
Что ж, снег был снег... И он – растаял.
Давно пора, уйдя в дела,
Смириться с тем, что жизнь – такая.
Но, если верится в успех,
Опять кружит передо мною
Тот, крупный, нежный, влажный снег, -

Весь пропитавшийся весной...

КРИЗИС ИДЕЙ

То ль кризис идей, то ль страстей не – поймешь ни бельмеса.
Давай поиграем в людей – и напишется пьеса.
Пусть только возникнут, разместятся в семьях и датах,
И душу свою ощутит оловянный солдатик.

Судьбу обретет он и чувствовать станет тревожно,
И сцепится с тем, кому тоже уйти невозможно.
Кто тоже судьбу ощутил – верой, смыслом и болью –
И тоже не может самим не остаться собою.

И будет их встреча – жестокость, безвыходность, мука,
Все будут кричать, обвинять и не слышать друг друга,
Не видя, что кто-то, весь чужд их страстям и отвагам,
Почти подобрался к их чести, и славам, и шпагам.

Ему это всё заменяют расчет и забота.
Он помнит, он так ненавидит за что-то кого-то,
Что просто от жизни, от речи чужой он немеет.
Все кажется – кто-то взлетает, а он – не умеет.

А рядом статисты – у каждого облик и имя.
Глазеют, не зная, что, в общем, расплатятся ими.
За страсти и шутки, за все, в чем они ни бельмеса.
За эту игру, из которой рождаются пьесы.

СТРАХ

Страх – не взлет для стихов.
Не источник высокой печали.
Я мешок потрохов! –
Так себя я теперь ощущаю.

В царстве лжи и греха
Я б восстал, я сказал бы: "Поспорим!"
Но мои потроха
Протестуют... А я им – покорен.

Тяжко день ото дня
Я влачусь. Задыхаясь. Тоскуя.
Вдруг пропорют меня –
Ведь собрать потрохов не смогу я.

И умру на все дни.
Навсегда. До скончания света.
Словно я – лишь они,
И во мне ничего больше нету.

Если страх – нет греха,
Есть одни только голод и плаха.

Божий мир потроха
Заслоняют – при помощи страха.

Ни поэм, ни стихов.
Что ни скажешь – все кажется: все.
Я мешок потрохов.
Я привык. Я лишь только тоскую.

НЕБЫТИЕ

Иль впрямь я разлюбил свою страну? –
Смерть без нее, и с ней мне жизни нету.
Сбежать? Нелепо. Не поможет это
Тому, кто разлюбил свою страну.

Зачем тогда бежать? Свою вину
Замаливать? – И так, и эдак тошно.
Что ж, куст зачах бы, отвратясь от почвы,
И чахну я. Но ляжку я тяну.

Куда мне разлюбить свою страну!
Тут дело хуже: я в нее не верю.
Волною мутной накрывает берег.
И почва – дно. А я прирос ко дну.

И это дно уходит в глубину.
Закрыто небо мутною водою.
Стараться выплыть? Но куда? Не стоит.
И я тону. В небытии тону.

ВСЁ ЧУШЬ

Что будет – будет... мутен взгляд.
Всё мельтешит, все мельтешат.
Жизнь под наркозом быта.
"Сотри случайные черты..."!
Но черт как раз не видишь ты:
Фокусировка сбита.

Все мельтешит. В глазах рябит.
Звучат слова, чей смысл забыт...
Базар! – беседа, спор ли.
Гудит и пляшет все вокруг.
Сплошной бедлам!.. И только вдруг
Лёд чьих-то рук на горле.

Не так уж страшен этот лед.
Возьмут в "научный оборот",
Рванусь, и хрустнут кости.
Но тут же мысль: "Неужто впрямь
Из пушки бить по воробьям,
Терять свой облик в злости?"

Но если злость как в горле кость,
Пускай хоть так, но выйдет злость,
Открыв дорогу боли.
Ведь все же как-то надо жить,
Ведь могут вправду задушить,
Лишив судьбы и воли.

Все чушь... Но знак глухой беды –
Подпольных гениев ряды,
Чье знамя – секс и тропы.
Они цветут в парах свобод.
Им не мешает больше гнет
Твердить зады Европы.

Пускай цветут... На что пенять?
Прогресс мне глупо догонять,
Пустым сдаваться фразам.
Мне как богатство в дар дана
Твоя судьба, моя страна,
Твой поздний, горький разум.

И пусть я здесь, но, как всегда,
Твоя со мною высота,
С нее смотреть на хаос.
И я, с высот такой тоски,
Здесь никому в ученики
Сходить не собираюсь.

И дома – боль, и всюду – боль.
Я все равно всегда с тобой –
Меня ты – не обронишь.
И в речке – рябь. И в море – рябь.
Ты где-то тонешь, как корабль.
Но, может, - не утонешь.

Гудит и пляшет все вокруг,
И смысл слова теряют вдруг,
И глохнет крик – в конверте.
И все смешно, чем жил досель,
И вдаль ведет гнилой тоннель,
И светлый выход – в смерти.

СТОРОНА 2

ЗА СОРОК

До всего, чем бывал взволнован,
Как пред смертью, мне дела нет.
Оправданья тут никакого:
Возраст зрелости – сорок лет.

Обо всем сужу, как обычно,
Но в себя заглянуть боюсь,

Словно стал ко всему безразличным,
А, как прежде, во все суюсь.

Словно впрямь, заглянувши в бездну,
Вдруг я сник, навек удручен,
Словно впрямь, - раз и я исчезну,
Смысла нет на земле ни в чем.

Это – я. Хоть и это дико.
Так я жить не умел ни дня.
Видно, возраст, подкравшись тихо.
В эти мысли столкнул меня.

И в душе удивленья нету,
Словно в этом – его права,
Словно с каждым бывает это
В сорок лет или в сорок два.

Нет, попозже приходит старость,
Да и сил у меня – вполне.
Знать, совсем не ее усталость
Прелесть дней заслонила мне.

Знать, не возраст – извечный, тихий,
Усмиряющий страсти снег,
А все то же: твой лик безликий,
Твоя глотка, двадцатый век!

А все то же – теперь до гроба.
Только глотка. Она одна.
Думал: небо, а это – нёбо,
Пасти черная глубина.

И в душе ни боли, ни гнева,
Хоть себя и стыдишься сам.
Память знает: за нёбом – небо,
Да ведь больше веришь глазам.

И молчит, не противясь даже,
Память, - словно и вправду лжет...
Ну и ладно! Но давит тяжесть:
Видно, память, и смолкнув, жжет.

Ни к чему оно, жженье это,
Только снова во всё суюсь.
И сужу. – Хоть мне дела нету.
Хоть в себя заглянуть боюсь.

ТЯЖЕСТЬ ДВИЖЕНИЯ

Стал я нервным и мнительным,
Сам себя я не чту.
Недостаток действительно

Неприятный в быту.

Чувства глуше ли, звонче ли –
Трудно меру найти.
Это молодость кончилась
И не хочет уйти.

Это тяжесть движения,
Хоть покой истомил.
Это в каждом решении –
Напряжение сил.

Это страсть защищается,
Хоть идут холода.
Это жизнь продолжается –
И еще – молода.

ДОРОГА

В драгоценностях смысла я вижу немного.
Но одна драгоценность нужна мне – дорога.
Да, хоть мало мне нужно, нужна мне зачем-то
Этих серых дорог бесконечная лента,
Этот ветер в лицо, это право скитаться,
Это чувство свободы от всех гравитаций,
Чем нас жизнь ограничила, ставя пределы,-
Чем мы с детства прикованы к месту и делу.

Это мало? Нет, много! Скажу даже: очень.
Ведь в душе, может, каждый подобного хочет,-
Чтобы жить: нынче дома, а завтра – далече,
Чтоб недели и версты летели навстречу
И чтоб судьбы сплетались с твоею судьбою,
А потом навсегда становились тобою,
Без тебя доживать, оставаясь на месте,
О тебе дожидаясь случайных известий.

Это мало? Нет, много. Не мудрствуй лукаво.
На великую роскошь присвоил ты право.
И привык. И, тоскуя, не можешь иначе.
Если совесть вернет тебя к жизни сидячей,
Сердце снова дороги, как хлеба, попросит.
И не вынесешь снова... А люди – выносят.
За себя и тебя... Что ты можешь? – немного:
Дать на миг ощутить, как нужна им дорога.

Это нужно им? Нужно. Наверное, нужно.
Суть не в том. Самому мне без этого душно.
И уже до конца никуда я не денусь.
От сознания, что мне, словно хлеб, драгоценность,-
Заплатить за которую – жизни не хватит,
Но которую люди, как прежде, оплатят.
Бытом будней, трудом... И отчаяньем – тоже...

На земле драгоценности нету дороже.

ПИСЬМО В МОСКВУ

Сквозь безнадегу всех разлук,
Что трут, как цепи,
"We will be happy!"**, дальний друг.
"We will be happy!"

"We will be happy!" – как всегда!
Хоть ближе пламя.
Хоть века стыдная беда
Висит над нами.

Мы оба шепчем: "Пронеси!"
Почти синхронно.
Я тут - сбежав... Ты там – вблизи
Зубов дракона.

Ни здесь, ни там спасенья нет –
Чернеют степи...
Но что бы ни было – привет! -
"We will be happy!"

"We will be happy!" – странный звук.
Но верю в это:
"Мы будем счастливы", мой друг,
Хоть видов – нету.

Там, близ дракона – не легко.
И здесь – не просто.
Я так забрался далеко
В глушь... В город Бостон.

Здесь вместо мыслей – пустяки.
И тот – как этот.
Здесь даже чувствовать стихи –
Есть точный метод.

Нам не прорвать порочный круг,
С ним силой мерясь...
Но плюнуть – можно... Плюнем, друг! -
Проявим – серость.

Проявим серость... Суета –
Все притязанья.
Наш век все спутал – все цвета
И все названья.

И кругом ходит голова.
Всем скучно в мире.
А нам – не скучно... Дважды два –
Пока четыре.

И глупо с думой на челе
Скорбеть, насупясь.
Ну кто не знал, что на земле
Бессмертна глупость?

Что за нос водит нас мечта
И зря тревожит?
Да... Мудрость миром никогда
Владеть не сможет!

Но в миг любой – пусть век колюч,
Пусть все в нем – дробно,
Она, как солнце из-за туч,
Блеснуть – способна.

И сквозь туман, сквозь лень и спесь,
Сквозь боль и страсти
Ты вдруг увидишь мир как есть,
И это – счастье.

И никуда я не ушел.
Вино – в стаканы.
Мы – за столом!.. Хоть стал наш стол –
В ширь океана.

Гляжу на вас сквозь целый мир,
Хочу взглядеться...
Не видно лиц... Но длится пир
Ума и сердца.

Все тот же пир... И пусть темно
В душе,- как в склепе.
"We will be happy!"... Все равно –
"We will be happy!"

Да, все равно... Пусть меркнет мысль,
Пусть гложут вести,
Пусть жизнь ползет по склону вниз,
И мы – с ней вместе.

Ползет на плаху к палачу,
Трубя: "Дорогу!"...
"We will be happy!" – я кричу
Сквозь безнадегу.

"We will be happy!" – чувств настой.
Не фраза – веха.
И символ веры в тьме пустой
На скосе – века.

** Мы будем счастливы (англ.)

НИКАКОЙ ИСТЕРИКИ

Никакой истерики.
Все идет как надо.
Вот живу в Америке,
Навестил Канаду.

Обсуждаю бодро я
Все свои идеи.
Кока-колу ведрами
Пью – и не беднею...

... Это лучше, нежели
Каждый шаг – как вежа...
Но – как будто не жил я
На земле полвека.

С НОВЫМ ГОДОМ

С Новым Годом!.. Годом дел и дум,
Душ сближенья.
С Новым Годом! – сквозь напор и шум,
Вой глушенья.

Между нами стены и пути,
Моря рокот.
Те, кто в дом ваш могут вдруг войти,
В мой – не могут.

В мой – не мой... Похоже всё на бред.
Мало чести.
Я, устав, сбежал, увидел свет.
Вы – на месте.

С Новым годом!... Что кому дано.
В славе ль, в сраме, -
Все равно мы вместе... Все равно
Весь я с вами.

Нелегко сегодня на земле,
Все – нечетко.
Все дрожит, как стрелка на шкале
Волн коротких.

Но рука не дрогнет, ищет цель,
Ручку крутит.
Ищет голос, как жилья в метель,
Жизнью шутит.

Чуткий поиск... Тяжкая игра...
Скачут цели...
С Новым Годом вас!.. Вы мастера
В этом деле.

С Новым Годом вас!.. Сквозь боль утрат,

Стыд и слабость.
С Новым Годом, Пресня и Арбат,
Псков, Челябинск.

С Новым Годом, Тула и Урал,
Камни Бреста...
Все места, где я не раз бывал,
Где – мне место.

Там друзья – я рвусь сегодня к ним,
Помня с грустью:
Хоть сейчас махну в Париж и в Рим,
В Омск – не пустят.

...Только счастья, что сквозь боль и стыд,
Сквозь стихии
"С Новым Годом!" – голос мой звучит
Над Россией.

БРАЙТОНСКИЕ БРЮЗЖАНИЯ

Я в Брайтоне свой кончу век,
Где за окном почти до лета
На тротуарах скользок снег,
А на уборку денег нету.

Верней расчета... Трезв расчет.
Впрямь большинство спасет сноровка.
А шею кто себе свернет –
Дешевле выплатить страховку.

А мне-то что? Но вот в окно
Гляжу... И злюсь. Брюзжу с чего-то.
Как будто мне не все равно,
Какие в Брайтоне расчеты.

Что злиться, если жив-здоров?
И твердо ведаешь к тому же,
Что здесь ты в лучшем из миров,
А остальные – много хуже.

Все так, но страх меня гнетет,
Что и когда беда накатит,
Здесь тот же скажется расчет,
И на спасенье средств не хватит.

NEWS**

Последние известья –
Россия на краю.
Все топчутся на месте
И тешат злость свою.

За крах внушенной веры
В блаженство на Земле,
За то, что всё – и мера,
И дом, и хлеб – в золе.

И остается скука,
Химера на костях.
И злоба друг на друга
За то, что это так.

И труд невыносимый
И дальше быть людьми.
И – Господи, спаси нас,
Прости и вразуми.

Но, как скребок по жести,
Опять сквозь жизнь мою –
Последние известья –
Россия на краю.

В ком – страх, в ком – жажда мести.
Страстей – хоть отбавляй.
Все топчутся на месте,
И всех несет за край.

Кричу: "Там худо будет!
Там смерти торжество!"
Но все друг друга судят,
И всем не до того.

ФЛОРИДСКОЕ

Мне будто вправду ничего не надо.
Взволнует что-то – тут же мысль: "Пустьяк!"
Флоридский берег. Всюду след торнадо.
Барашки волн ползут на скоростях.

Купаться трудно. Лезу как для вида.
Все взять спешу – здесь ненадолго я...
Но что за бред? Торнадо и Флорида.
И рядом - я... Но это – жизнь моя.

Рожден я там, где взорвалась планета,
Откуда смерч гудит по всем местам.
Пусть это здешний смерч, - неважно это:
Раз он мешает жить, возник он там.

Шучу, наверно... Или брежу прошлым.
Но взрыв тот был. Здесь все – его дела.
Его волной я был сюда заброшен,
В его тылах вся жизнь моя прошла.

Наш быт при нас всегда был зыбок, вспенен,

Спокойных дней – почти ни одного...
"Тот ураган прошел"! Не знал Есенин,
Как этот век вобрал в себя его.

Но дни идут. И время все смягчает.
Торнадо скрылся. Над Флоридой зной.
И даже волны скорости снижают...
Что ж, можно жить... Но я хочу домой.

В ЧУЖОЙ СТРАНЕ

То свет, то тень,
То ночь в моем окне.
Я каждый день
Встаю в чужой стране.

В чужую близь,
В чужую даль гляжу,
В чужую жизнь
По лестнице схожу.

Как светлый лик,
Влекут в свои врата
Чужой язык,
Чужая доброта.

Я к ним спешу.
Но, полон прошлым всем,
Не дохожу
И остаюсь ни с чем...

... Но нет во мне
Тоски, - наследья книг, -
По той стране,
Где я вставать привык.

Где слит был я
Со всем, где всё – нельзя.
Где жизнь моя –
Была да вышла вся.

Она свое
Твердит мне, лезет в сны.
Но нет ее,
Как нет и той страны.

Их нет – давно.
Они, как сон души,
Ушли на дно,
Накрылись морем лжи.

И с тех широт
Сюда, - смердя, клубясь,

Водоворот
Несет все ту же грязь.

Я знаю сам:
Здесь тоже небо есть.
Но умер там
И не воскресну здесь.

Зовет труба:
Здесь воля всем к лицу.
Но там судьба
Моя – пришла к концу.

Легла в подзол.
Вокруг – одни гробы.
... И я ушел.
На волю – от судьбы.

То свет, то тень.
Я не гнию на дне.
Я каждый день
Встаю в чужой стране.

ЗАКАТ

Моего ль это только заката
Беспощадные жала лучей?
... Был я прав или не прав, но когда-то
Я уехал из жизни своей.

Да, я знал, что побег – не победа,
Что хоть выпадет все потерять,
Но от старости я не уеду
И от смерти не выйдет удрать.

Мне не снилась, хоть многим и снится,
Словно пляж посередине зимы,
Золотая страна – Заграница,
Праздник жизни, побег из тюрьмы.

Да, свобода... Но, предан ей свято,
Знал и там я, что с ней тут беда:
Запах тленья и жала заката
Проникали ко мне и туда.

Запах тленья там гуще... Но в годы
Вплетены на последней черте
Несвобода и жажда свободы,
Тяга к правде, порыв к чистоте.

Но не встал я за истину грудью.
Представлял, как,- смущаясь слегка,
Мне в ответ прокуроры и судьи

Станут дружно валять дурака.

И добьют меня (всё понимая):
"Что ж, хотел не как мы, так смотри..."
Здесь – не то. Но острее донимают
Тот же запах и краски зари.

Запах тленья – чуть слышный, нежуткий.
Он ласкает – амбре, а не прах.
Он во всем: в посягательствах, в шутках,
В увлечениях, в успехах, в стихах.

Все – как жизнь, все кружится, все чудо.
Все – летит, создает кутерьму.
Лишь одно – никуда ниоткуда.
И еще – ни с чего ни к чему.

...Мчится поезд... Слезать мне - не скоро.
Любопытствую – лучше б уснул.
Вновь чужой, неопознанный город
Весь в огнях за окном промелькнул.

Вновь чужое, холодное пламя.
Снова мысль, что уже навсегда
За штыками, лесами, полями
Все остались мои города.

Все равно я тянусь туда глухо.
Здесь живу, не о здешнем моля.
Очень жаль, но не будет мне пухом
Это добрая в общем земля.

Очень жаль... Хоть и глупо все это –
Словно барская блажь или грусть.
Потому что побег – не победа,
И назад я уже не вернусь.

Все равно, и в своем отдаленье
Я, - отринув недалнюю тьму, -
Краски вечера, запахи тленья
За рассвет и расцвет не приму.

До конца!.. Пусть все видится остро,
И теней не смущает игра,
Чтоб потом не стыдиться притворства,
Если выйдет дожить до утра.

ДОВОЛЬНО!

Довольно!.. Хватит!.. Стала ленью грусть.
Гляжу на небо, как со дна колодца.
Я, может быть, потом еще вернусь,
Но то, что я покинул, - не вернется.

Та ярость мыслей, блеск их остроты,
Та святость дружб, и нежность, и веселье.
Тот каждый день в плену тупой беды,
Как бы в чаду свинцового похмелья.

...Там стыдно жить – пусть Бог меня простит.
Там ложь как топь, и в топь ведет дорога.
Но там толкает к откровенью стыд
И стыд приводит к постижению Бога.

Там невозможно вызволить страну
От мутных чар, от мертвого кумира,
Но жизнь стоит все время на кону,
И внятна связь судеб – своей и мира.

Я в этом жил и возвращенья жду, -
Хоть дни мои глотает жизнь иная.
Хоть все равно я многих не найду,
Когда вернусь... И многих – не узнаю.

Пусть будет так... Устал я жить, стыдясь,
Не смог так жить... И вот – ушел оттуда.
И не ушел... Все тех же судеб связь
Меня томит... И я другим – не буду.

Все та же ярость, тот же стыд во мне,
Все то же слово с губ сейчас сорвется.
И можно жить... И быть в чужой стране
Самим собой... И это – отзовется.

И там, и - здесь... Не лень, не просто грусть,
А вера в то, что все не так уж страшно.
Что я – вернусь... Хоть если я вернусь,
Я буду стар. И будет все неважно...

ВАГОН

Да, нашей жизни бред и фон
От века грохот был железный.
Вошли мы на ходу в вагон,
Когда уже он несся к бездне.

И жили в нем, терпя беду, -
Всю жизнь... Все ждали... Ждать устали...
И вот выходим на ходу,
Отпав – забыв, чего мы ждали.

Но будет так же вниз вагон
Нестись, гремя неутомимо,
Все той же бездною влеком,
Как в дни, когда в него вошли мы.

Когда и лязг, и жар, и дым,

Моторы в перенапряженье, -
Все нам внушало: вверх летим
Из пут земного притяженья.

Но путь был только под уклон.
И на пороге вечной ночи,
Отпав, мы видим – наш вагон
Не вверх ползет, а вниз грохочет.

Вразнос, все дальше, в пропасть, в ад,
Без нас. Но длятся наши муки...
Ведь наши дети в нем сидят
И жмутся к стеклам наши внуки.